

К.В. Калашникова, С.С. Сай

Системные отношения между классами русских рефлексивных глаголов в связи с их частотными характеристиками
(по данным корпусного исследования)

Несмотря на все многообразие работ, посвященных русским рефлексивным глаголам (РГ)¹, см., прежде всего, [Исаченко 2003/1960: 374-406; Янко-Триницкая 1962; Gerritsen 1990; Шелякин, 1991; Князев 2005: 173-243], ни в одной из них не приводятся систематические статистические данные о представленности классов РГ в тексте, т.е. о *token frequency* таких классов². При этом исследователи обращали внимание на то, что отсутствие «указаний на объем выборок и количественной оценки классов (...) снижает достоверность описаний и надежность выводов» [Генюшене 1983:11]. Основная цель предлагаемого исследования состоит в том, чтобы восполнить этот пробел.

Материалом исследования послужили тексты, взятые из Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru). Из Корпуса были выбраны тексты художественных произведений последних 20 лет «со снятой омонимией», то есть тексты с морфологической разметкой, позволяющей осуществлять поиск по грамматическим характеристикам. Всего было проанализировано 4637 употреблений РГ, при этом учитывались все употребления РГ, кроме причастных форм.

При классификации РГ последовательно использовался **деривационный** подход, т.е. РГ распределялись по классам **исключительно** по тому значению, которое выделяется при сопоставлении конструкции с РГ и соотносительной по смыслу конструкции с «исходным» нерефлексивным глаголом (НРГ).

¹ Здесь и далее под РГ понимаются **все** глаголы, имеющие в своем составе рефлексивный показатель (РП) – так называемый «постфикс» -ся или его алломорф -сь, – независимо от функции и словоизменительного / словообразовательного статуса этого показателя.

² Единственным известным нам детальным исследованием частотности классов РГ в словаре является **неопубликованная** работа Э.И.Королева [Королев 1968].

Следует заметить, что при таком подходе в особую – далее неклассифицируемую – группу выделяются **несоотносительные РГ**. К их числу относятся “собственно несоотносительные РГ”, т.е. РГ, которые формально имеют пару, но по своим семантико-синтаксическим свойствам с ней не соотносятся (*пытаться – пытаться, прощаться – прощать, жаловаться – жаловать*) и необратимые РГ (*reflexiva tantum*), то есть РГ, не имеющие совпадающего по форме глагола без РП, например, *бояться, остаться, смеяться*³.

Надо отметить, что больше половины (54%) РГ, встретившихся в текстах, оказались несоотносительными. Само по себе это наблюдение заслуживает некоторого внимания. Дело в том, что в большинстве исследований русских РГ – а чаще всего эти исследования опираются на анализ отдельных ярких представителей своих деривационных классов, а не сплошной выборки всех РГ, – имплицитно подразумевается, что несоотносительные РГ (само их существование, конечно, обычно отмечается) представляют собой несистематизируемый балласт, своего рода случайный лексический «мусор», затемняющий основные функции РП, выделяемые на основе анализа соотносительных РГ. Как представляется, на самом деле доля несоотносительных РГ слишком велика для того, чтобы эти глаголы могли быть отброшены как несущественная «периферия» при описании РГ. О возможности и необходимости такого подхода, который позволит увидеть определенную структурированность, неслучайность и в классе несоотносительных РГ см. в [Сай, в печати].

Далее при классификации РГ по признаку соотносительности нами был выделен небольшой (186 словоупотреблений, т.е. около 4% всех проанализированных РГ) промежуточный класс «частично-соотносительных РГ»; к этому классу были отнесены такие РГ, которые в процессе деривации помимо регулярного деривационного значения приобретают еще и дополнительный индивидуальный смысл. Примером частично-соотносительного РГ может служить глагол *оправдываться* в значении ‘говорить / писать, что ты не

³ При подсчетах к числу несоотносительных РГ были также условно отнесены глаголы со сложным формантом, т.е. такие, у которых словообразовательным формантом является РП в комбинации с приставкой (*разбежаться < бегать, наестся < есть*), а также РГ, образованные от другого РГ присоединением приставки (*посмеяться < смеяться, поинтересоваться < интересоваться*, ср. **посмеять, *поинтересовать*).

виноват в чем-либо'. Этот глагол близок собственно-рефлексивным глаголам, т.е. таким глаголам, где аффиксация РП маркирует кореферентность подлежащего и прямого дополнения конструкции с соотносительным НГ. Однако по сравнению с глаголом *оправдывать* в глаголе *оправдываться* присутствует целый ряд идиосинкратических семантических изменений, например, значение порождения речи, а также оттенок недоверия говорящего к объяснениям оправдывающегося.

Основной частью исследования стал анализ соотносительных РГ, т.е. таких РГ, у которых есть совпадающий с ними по форме глагол без РП, а изменение значения и синтаксических свойств происходит согласно одной из регулярных моделей. Одним из свойств, необходимых для признания РГ соотносительным, является отсутствие у него ограничений на сочетаемость с актантами тех же лексических и семантических классов, что и для исходного НРГ. Основанием для дальнейшей классификации соотносительных РГ являлись изменения в значении при переходе от НРГ к РГ, описываемые на уровне референтной, семантической и синтаксической структур.

В данной работе были выделены 18 деривационных классов РГ, их частотные характеристики представлены в Таблице 1. В третьем столбце таблицы приводится общее число зафиксированных глаголов соответствующего класса, а в четвертом – их доля среди всех 1937 соотносительных глаголов, которые сами составляют около 42% от всех проанализированных РГ:

Таблица 1. Частотные характеристики деривационных классов соотносительных РГ (воспроизводится с небольшими модификациями по [Калашникова 2006: 68]).

Название класса	Примеры	N	%
Автокаузативные РГ	<i>Я поднялся. Мы двинулись в путь. Мальчик спрятался.</i>	686	35%
Декаузативные РГ	<i>Компьютер сломался. Чашка разбилась.</i>	514	27%
Эмотивные декаузативы	<i>Я испугался собаки. Она обрадовалась цветам.</i>	168	9%
Рефлексивно-посессивные РГ	<i>Я зажмурился. Он защитился.</i>	123	6%
Конверсивные РГ	<i>Солнце скрылось за тучами.</i>	104	5%
Пассивные РГ	<i>Эти проделки сурово им карались.</i>	103	5%
Собственно-рефлексивные РГ	<i>Мыться. Одеться.</i>	73	4%
Модально-квазипассивные РГ	<i>Дверь не открывается. Брелок</i>	56	3%

	<i>нашелся.</i>		
РГ с изменением статуса прямого дополнения	<i>Кидалась</i> камнями. <i>Упёрся</i> ладонями в колени.	39	1,9%
РГ “непроизвольного действия”	<i>Я свалился</i> в лужу. <i>Он порезался.</i>	32	1,6%
Реципрокальные РГ	<i>Быки бодались.</i> <i>Люди толкались.</i>	14	0,7%
Модально-деагентивные РГ	<i>Мне не спится.</i> <i>Хорошо живется.</i>	9	0,5%
Синонимичные РГ	<i>Что-то белеется.</i>	6	0,3%
Рефлексивно-каузативные РГ	<i>Стричься</i> в парикмахерской.	5	0,25%
Абсолютивные РГ	<i>Собака кусается.</i> <i>Нож колется.</i>	4	0,2%
Косвенно-рефлексивные РГ	<i>Задаваться</i> вопросом.	1	0,1%
Безлично-пассивные РГ	<i>В инструкции сообщалось</i> о новых правилах.	0	0%
Некаузативные РГ	<i>Лошадь распряглась.</i>	0	0%

Приведенные данные позволяют сделать ряд обобщений, часть из которых кратко формулируются ниже.

Как видно из таблицы, из выделенных 18 классов РГ чаще всего в текстах встречались автокаузативные и декаузативные РГ, частотность которых составила 35% и 27% соответственно. Частотность же ни одного из остальных классов РГ не превысила 10%. Таким образом, наиболее частотными оказались такие классы РГ, в которых РП является маркером актантной деривации (т.е. при помощи РГ описывается иная ситуация, чем та, которая описывается исходным НРГ), а не такие классы РГ, в которых по сравнению с исходным НРГ маркируются (только) изменения в референтной структуре ситуации или в синтаксическом ранжировании участников.

Сделанные наблюдения можно увязать с грамматикализационным развитием русских РГ. Широко представленным типологически и наблюдаемым и в русском языке «каналом» грамматикализации рефлексивных показателей является такое развитие, при котором собственно рефлексивный или рефлексивно-реципрокальный показатель (т.е. показатель, оперирующий на уровне референтной структуры высказывания) развивается в медиальный (т.е. в показатель, который помимо названных функций может «обслуживать» довольно широкий спектр функций, чаще всего, включающих декаузативное и автокаузативное значения, выражение значения совершения действия для себя, в своих интересах и т.д.), а тот в свою очередь развивает функции, связанные с изменением перспективы говорящего, т.е. не затрагивающие собственно пропозициональной семантики высказывания (прежде

всего, речь идет о пассивной и антипассивной функции)⁴. В связи с этим можно заметить, что русский РП *–ся* охватывает **все** точки подобного грамматикализационного развития, начиная от диахронически первичной собственно рефлексивной функции и заканчивая грамматикализационно наиболее поздними функциями⁵.

При этом в собственно грамматическом смысле можно говорить о том, что грамматикализационно крайние точки развития функций РП обладают определенной структурной выделенностью среди всего многообразия функций русских РГ.

Действительно, грамматикализационно первичная собственно-рефлексивная функция РП, несмотря на редкую встречаемость в текстах и крайне низкое количество глагольных лексем в словаре, играет организующую, структурообразующую роль в семантике русских РГ. Именно эта функция занимает центральное место среди функций РП, если представлять последние в виде упорядоченного множества, где различные функции связываются друг с другом естественными семантическими переходами, что можно отразить при помощи метода семантического картирования (см. об этом [Croft et al. 1987]). Об особом месте собственно-рефлексивной функции говорят и факты металингвистического осмысления внутренней формы РГ носителями языка, что можно проиллюстрировать следующими высказываниями:

«Слушайте сюда, лично я на лодке для того, чтобы развлекаться. Чуете? Не развлекать вас, – а развлекаться. Возвратная частица "ся". Это понятно?» [forum.podlodka.com // Ivetta].

«Народ, знаете, что означает славянская частица "ся" в слове "обижаться"? Себя! То есть дословно – обижать себя. То есть заведомо бессмысленный и губительный для себя процесс» [www.livejournal.ru // Red Angel].

Что касается пассивной функции РП, то она разительно отличается от других функций этого показателя в плане лексической распространенности (type frequency), являясь практически неограниченно продуктивной на том классе глаголов, для которых

⁴ Грамматикализационный путь от рефлексива через декаузатив к пассиву очень широко обсуждается в литературе, см. хотя бы классическую статью [Haspelmath 1990].

⁵ О возможности выполнения русским РП функции антипассивного показателя в некоторых инновативных конструкциях, фиксируемых в устной речи, см., например, [Say 2005].

она семантически допустима; именно процесс образования пассивных – и только пассивных – РГ демонстрирует многие признаки словоизменения, а не словообразования (ср. также традиционное для русистики понятие формообразования). Однако, несмотря на высокую регулярность и распространённость пассивных РГ в словаре, их частотность в текстах, как уже отмечалось – обычно с опорой на интуицию – многими исследователями, очень низка, по нашим подсчетам она составляет всего 5% от всех соотносительных РГ.

Таким образом, несмотря на несомненную структурную выделенность двух грамматикализационно полярных функций русских РГ – собственно возвратной и пассивной – в количественном отношении в текстах они представлены весьма скупо и значительно уступают в этом плане функциям из «промежуточной» зоны – декаузативной, автокаузативной и даже посессивно-рефлексивной.

Представляется, что полученные данные являются своего рода синхронным срезом продолжающегося грамматикализационного процесса, связанного с развитием русских РГ. Эти данные могут оказаться существенными для анализа текущего развития РГ, т.е. выяснения того, какие деривационные классы и в какой степени являются продуктивными, – роль частотности в тексте (token frequency), так же, как и частотности в словаре (type frequency), в процессах лексического (аналогического по природе) расширения морфологических моделей хорошо известна⁶. Однако это может стать предметом уже другого исследования.

⁶ Впрочем, не следует ожидать того, что продуктивность классов РГ будет полностью определяться их частотностью. Во-первых, новые РГ могут появляться в языке вообще вне связи с расширением конкретного деривационного класса. Так, например, ставший употребительным – хотя и ненормативный – глагол *коррелироваться* является не результатом применения определенной деривационной модели к «исходному» глаголу *коррелировать*, а скорее следствием уподобления готового «продукта» деривации другим семантически близким РГ (*связываться, соотноситься*) независимо от их деривационной предыстории. Во-вторых, носители языка в принципе способны выделить деривационные отношения даже в весьма небольших по объему классах РГ и взять соответствующие пары НРГ – РГ в качестве образца для деривации новых РГ. Так, например, моделью для регулярно фиксируемого в современной речи глагола *звониться* (в дверь) мог стать глагол *стучаться* и, пожалуй, только он. Таким образом, даже миникласс с одним членом может в принципе оказаться продуктивным. Другие примеры, демонстрирующие

Литература

Генюшене, Э. Ш. 1983. Рефлексивные глаголы в балтийских языках и типология рефлексивов. Учебное пособие. Вильнюс.

Исаченко, А.В. 2003/1960. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология. Часть вторая. Москва: Языки славянской культуры. 2003. (Первое издание: Братислава, 1960).

Калашникова, К.В. 2006. Деривационные классы русских рефлексивных глаголов и их частотность в тексте. Дипломная работа. СПбГУ.

Князев, Ю.П. 2005. Проблемы описания грамматической семантики. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. СПб. Рукопись.

Королев 1968 - Королев Э.И. Количественные характеристики смысловых классов возвратных глаголов (неопубл).

Сай, С.С. Два подхода к семантике русских рефлексивных глаголов. В печати.

Шелякин, М. А. 1991. Русские возвратные глаголы в общей системе отношений залоговости // ТФГ. Персональность. Залоговость. СПб.: Наука, 1991. С. 312-326.

Янко-Триницкая, Н.А. 1962. Возвратные глаголы в современном русском языке: Москва: Издательство АН СССР.

Croft W., Shyldcrot H., Kemmer S. 1987. Diachronic semantic processes in the middle voice // Ramat A., Carruba O., Bernini G. (eds.). Papers from the 7th International conference on historical linguistics. Amsterdam; Philadelphia: Benjamins. 179-192.

Gerritsen, Nelleke. 1990. Russian reflexive verbs. [= Studies in Slavic and general linguistics 15]. Amsterdam – Atlanta: Rodopi.

Haspelmath, Martin. 1990. Grammaticization of passive morphology. In: Studies in language, 14-1. 25-72.

Say, Sergey. Antipassive *Sja*-Verbs in Russian: Between Inflection and Derivation // Morphology and its demarcations / ed. by Wolfgang U. Dressler, Dieter Kastovsky, Oskar E. Pfeiffer & Franz Rainer. [= Current issues in linguistic theory 264]. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins. 2005. 253-275.

продуктивность низкочастотных классов РГ, обсуждаются в [Калашникова 2006: 36-37 и др.].